

ВЫЗОВЫ И ПАРАДОКСЫ РЕФОРМА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОСЛЕДНИХ ДВУХ ЛЕТ ПОЛУЧИЛА НЕОДНОЗНАЧНУЮ ОЦЕНКУ ЮРИДИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА. С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС ДОПОЛНЕН РЕВОЛЮЦИОННЫМИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПУНКТАМИ И СТАТЬЯМИ. С ДРУГОЙ — ИЗМЕНЕНИЯ ПОСТАВИЛИ ПЕРЕД СПЕЦИАЛИСТАМИ НЕПРОСТУЮ ЗАДАЧУ ОСМЫСЛИТЬ И АДЕКВАТНО ВОПЛОТИТЬ РЕШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКЕ. О КЛЮЧЕВЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ГК РФ И ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НА ДЕЛОВОМ СЕМИНАРЕ, ОРГАНИЗОВАННОМ ИД «КОММЕРСАНТЬ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, РАССКАЗАЛ УПРАВЛЯЮЩИЙ ПАРТНЕР АДВОКАТСКОГО БЮРО «ШВАРЦ И ПАРТНЕРЫ» МИХАИЛ ШВАРЦ. МАРИНА КОСТЮКЕВИЧ

Специалист выделил несколько трендов, которые переживает юридическое сообщество. Один из них связан с ликвидацией Высшего арбитражного суда и вытекающими из этого размышлениями о том, что ждет заложенные им правовые позиции. Еще одно важнейшее направление — это изменения Гражданского кодекса. Михаил Шварц также напомнил, что грядет реформа процессуального законодательства. «Так получилось, что изменения в ГК совпали с ликвидацией арбитражного суда. И понятно, что к новым положениям закона мы должны отнестись с учетом старого опыта. Но, понимая, что раз они новые, то, возможно, некоторые из них стоит рассматривать как упраздняющие те правовые позиции, к которым мы привыкли», — отметил юрист.

ПРЕЗУМПЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

Первое, на что обратил внимание своих коллег адвокат, это легальное закрепление в статье 1 ГК принципа добросовестности. «С одной стороны, как известно, государственный суд не вправе вторгаться в компетенцию третейского суда и проверять правильность рассмотрения им дела по существу. С другой стороны, если теперь речь идет о том, что принцип добросовестности закреплен в статье 1, где речь идет об основополагающих принципах российского права, то, вероятно, можно ставить вопрос о возможности оспорить решение третейского суда по тому мотиву, что при его вынесении такой основополагающий принцип, как принцип добросовестности, оказался нарушен», — говорит Михаил Шварц.

С понятием добросовестности связано и еще одно интересное изменение в ГК. «Все мы привыкли к тому, что добросовестность и разумность традиционно перечисляются через запятую: если не добросовестен, то и не разумен, и наоборот», — напоминает адвокат. Однако в начавшей действовать с 1 сентября 2014 года статье 53.1 об ответственности генерального директора юрлица за причиненный вред этой компании законодатель впервые разграничил эти категории. В пункте 5 говорится, что руководитель частной компании отвечает за недобросовестное поведение, а в публичных компаниях — за недобросовестное и неразумное поведение. Это важно не столько для рассмотрения дел об ответственности гендиректора за причиненный юрлицу вред (такие споры нетипичны и скорее эксклюзивны). Через разграничение, введенное статьей 53.1, следует по-новому взглянуть и на 10-ю статью Гражданского кодекса.

Михаил Шварц подчеркнул разницу между добросовестностью и разумностью,

АЛЕКСАНДР КОРЖОВ

указав, что добросовестность — это субъективная честность, это внутреннее отношение лица к своему поведению. При этом, будучи добросовестным, лицо может действовать неразумно, поскольку разумность — это стандарт поведения, совокупность правомерных ожиданий контрагентов.

Статья 53.1 добавит головоломки в адвокатскую практику и в делах по статье «Государственная регистрация прав на имущество». Из пункта 6 статьи следует, что при возникновении споров в отношении зарегистрированного права лицо, которое знало или должно было знать о недостоверности данных Госреестра, не вправе ссылаться на соответствующие данные. «Возникает вопрос: может ли покупатель ограничиться сведениями из реестра и не знакомиться с правоустанавливающими документами? Должен ли он с ними знакомиться? Моя субъективная добросовестность обеспечивается ознакомлением с выпиской из ЕГРП. Так если я полагаюсь только на данные реестра — я добросовестен, но разумен ли?» — задается вопросом спикер. По мнению юриста, формулировка «лицо знало или должно было знать» из пункта 6 статьи 8.1 — это мина замедленного действия

РЕЕСТР ВСЕГО, ЧТО ПОПАЛО

Некоторые положения постановления пленума Верховного суда №10/22 также вызывают вопросы. В частности, пункт 52, где сказано, что если суд признает сделку недействительной, но

не применяет последствий ее недействительности, то решение о признании сделки недействительной не является основанием для внесения изменений в реестр. Есть выписка из ЕГРП, основанная на сделке, есть решение суда, которым эта сделка признается недействительной. Но изменения в реестр не вносятся, потому что отказано в реституции. Таким образом, возникает законодательный парадокс — пленум допускает сохранение записи, под которой нет основания.

КОДИФИКАЦИЯ ОШИБКИ В целом, по замечанию управляющего партнера адвокатского бюро, изменения в ГК обобщают и кодифицируют то, что уже существовало в законодательстве или было наработано практикой. В большинстве случаев эти изменения обоснованы, проверены многолетней практикой и необходимы.

Однако в некоторых случаях законодатель кодифицировал и ошибки. Так произошло со статьей 181, согласно которой иски о признании сделки ничтожной стали «задаваться», то есть подлежать действию давности. Раньше вывод о том, что ничтожные сделки «задаваются», следовал из постановления пленума 6/8. Но на практике этот пункт специалисты игнорировали. Ничтожная сделка ничтожна независимо от признания ее таковой судом, а иски, направленные на констатацию правового состояния, не могут подлежать действию давности.

Но и с политико-правовой точки зрения это неправильно. Например, в кредитные договоры включаются многочисленные комиссии, дополнительные сборы. Оспорить сделку после трех лет добросовестных выплат даже в случае мирового кризиса заемщик уже не сможет и будет вынужден платить непомерные проценты оставшиеся 15–25 лет.

Несправедливость такой формулировки стала очевидна и для самого Верховного суда. Разъяснения находятся в Обзоре судебной практики Верховного суда по кредитным сделкам. «В обзоре сказано, что хоть в постановлении 6/8 и написано о „задавании“ ничтожности сделки, но по смыслу этого пункта все-таки она недействительна сколько бы времени ни прошло. Поэтому писать, что условия ничтожны, следует в мотивировочной части судебного решения», — приводит пример ранее существовавшей практики господин Шварц. Однако это разъяснение было дано до внесения изменений в ГК. И теперь положение о применении давности по ничтожной сделке прямо закреплено законом.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ МОТИВИРОВАНЫ Михаил Шварц называет революцией то, что произошло в статье 178 о недействительности сделки, совершенной под влиянием заблуждения. В ней появился пункт, который наделяет мотивы сделки каузальным значением. Во-первых, это ставит вопрос доказывания того, что сторона знала о мотивах к заключению сделки. Значение приобретает предшествующая заключению сделки переписка сторон. Во-вторых, здесь принципиально важно разграничить мотивы, которые являются каузальными, а какие — нет. Не любые мотивы могут служить основанием для оспаривания.

Спорны также изменения, касающиеся недействительности сделок по распоряжению арестованным имуществом — статья 174.1 ГК. Теперь прямо установлено, что сделка действительна, что неверно, так как арест — это упразднение распорядительной власти собственника, и при заключении сделки по продаже арестованного имущества у собственника нет необходимого распорядительного полномочия. Кроме того, последствием отчуждения арестованной вещи теперь является возникновение права залога у истца. Но, во-первых, залог возникает только в случае недобросовестности приобретателя вещи, а значит, стоит создать добросовестного приобретателя, как от обеспечительных мер ничего не останется. Во-вторых, если владелец недобросовестный, то до возникновения у истца права залога ему нужно отдать эту вещь в залог по другому обязательству. Тогда залог выигравшего истца станет последующим, что также обесмыслит обеспечительные меры.

Помимо этого, обсуждалась статья 204, связанная с исковой давностью. В последнее время она особо интересна тем, что в нашумевшем деле с ОАО «АНК Башнефть» при вынесении решения суд отклонил ссылку ответчика на давность «как противоречащие принципам справедливости». По мнению докладчика, отклонить ссылку на давность в случае выявления в действиях ответчика признаков злоупотребления правом можно и нужно.

«Заявление о применении срока исковой давности, как и любое другое средство защиты, имеет условия его применения, которые должны быть установлены судом. Заявление о давности не является автоматическим основанием к отклонению иска, суд обязан выявить наличие условий для его применения и обстоятельства, при которых им нельзя воспользоваться. В противном случае решение будет неправосудным», — резюмирует Михаил Шварц. ■